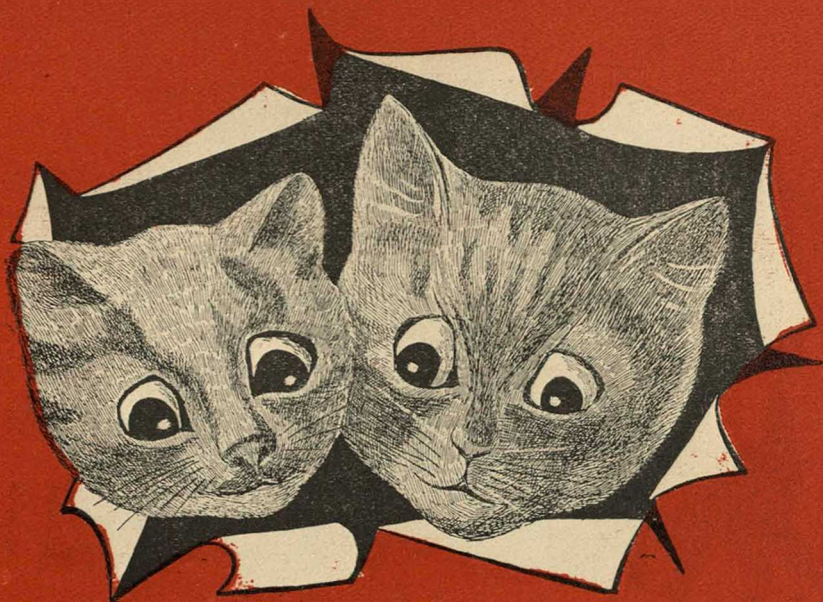

Годъ изданія четвертый.

СЕНТЯБРЬ.

№ 22.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЖЕЛѢЗНЫЙ ЛАРЧИКЪ.
МАМА ДОРОГАЯ.
ЧЕТВЕРО (повѣсть).
ОСЕНЬ.
НОВИЧЕКЪ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІА:

Крымская дача для склеиванія.
Выкройка кальсонъ для мальчика.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Молочная ванна.

ЖЕЛѢЗНЫЙ ЛАРЧИКЪ.

(ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА).

Въ давнія времена жилъ въ Багдадѣ на улицѣ, ведущей къ Золотому Мосту, купецъ по имени Азисъ. Это былъ смиренный и любившій одиночество человекъ, съ утра и до ночи сидѣвшій въ своей лавочкѣ и разъ въ годъ ѣздившій въ Мосуль или въ Ширазъ съ нѣсколькими золотыми въ карманѣ за покупкою цвѣтныхъ халатовъ.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, находясь въ хвостѣ каравана, онъ услышалъ въ кустахъ, окаймлявшихъ дорогу, топотъ и ржаніе лошади. Обнаживъ саблю, которая всегда была при немъ на случай нападенія разбойниковъ, онъ смѣло бросился въ заросли.

На небольшомъ зеленомъ, поросшемъ деревьями, холмѣ онъ увидѣлъ всадника, одѣтаго въ легкій голубой халатъ и съ блестящимъ на солнцѣ брилльянтомъ на турбанѣ. Его чистокровная арабская лошадь казалась обезумѣвшей отъ страха. Она поднималась на дыбы и дѣлала всевозможные скачки и движенія, чтобы сбросить огромную пантеру, вцѣпившуюся когтями и зубами ей въ спину.

Всадникъ никакъ не могъ справиться съ конемъ, у котораго изъ рта и изъ ноздрей текли пѣна и кровь.

Не теряя присутствія духа,

Азисъ подскочилъ къ нему, однимъ ударомъ сабли зарубилъ пантеру, схватилъ коня за узду и помогъ всаднику сойти на землю.

Всадникъ пригласилъ своего избавителя слѣдовать за собою.

— Я охочусь и заблудился, — сказалъ онъ; — навѣрное я былъ бы растерзанъ этой пантерой, если бы Аллахъ не прислалъ тебя ко мнѣ на помощь. Я долженъ вознаграждать тебя за храбрость. Слѣдуй за мною! Моя стоянка должна быть за этимъ лѣсомъ. Тамъ вѣроятно и моя свита.

— Я сдѣлалъ лишь то, — просто отвѣтилъ ему Азисъ, — что и всякій другой сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ. Я не ждалъ награды. Но если тебѣ угодно, то я согласенъ проводить тебя до твоей палатки.

Незнакомецъ взялъ своего коня за узду и пошелъ молча рядомъ съ Азисомъ. Вскорѣ они вышли на поляну. Здѣсь, среди нѣсколькихъ палатокъ, выдѣлялась одна изъ краснаго сукна.

Огромная толпа въ богатыхъ одеждахъ тотчасъ-же распростерлась ницъ, какъ только увидѣла своего господина. Тутъ Азисъ понялъ, кого онъ спасъ.

Это былъ самъ шахъ! Самъ великій Калифъ!

Азисъ тоже упалъ къ ногамъ.

своего повелителя, но шахъ взялъ его за руку и ввелъ его въ свою палатку. Здѣсь на пяти скамеечкахъ, высѣченныхъ изъ оникса, стояло пять ларчиковъ; первый былъ изъ золота и былъ осыпанъ алмазами; второй—тоже изъ золота, но безъ алмазовъ; третій—изъ серебра; четвертый—изъ мѣди и пятый—изъ желѣза.

— Выбери себѣ одинъ изъ этихъ ларчиковъ,—сказалъ шахъ.

Азисъ долго колебался и, наконецъ, проговорилъ:

— Мой поступокъ не заслуживаетъ награды. Но такъ какъ, о царь царей, такова твоя воля, то я возьму одинъ ларецъ для того, чтобы онъ напоминалъ мнѣ, что мои очи удостоились тебя видѣть.

И онъ взялъ желѣзный ларчикъ.

Шахъ улыбнулся.

— Незнакомецъ!—сказалъ онъ. Твоя скромность и величіе твоей души получили достойную награду. Ты выбралъ самый драгоценный изъ ларчиковъ. Взгляни: всѣ остальные пусты! Но въ этомъ ларчикѣ заключены два драгоценныхъ камня, обладающіе свойствомъ сдѣлать того, кто ими обладаетъ, самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Открывъ крышку, онъ показалъ купцу два драгоценныхъ камня.

— Вотъ этотъ камень,—сказалъ онъ,—есть бирюза. Кто будетъ носить его въ складкахъ тюрбана, тотъ будетъ знать все, что произошло и

существуетъ отъ самаго сотворенія міра; не будетъ для него тайнъ и въ настоящемъ. А этотъ,—прибавилъ шахъ, указывая на драгоценный камень величиною съ голубиное яйцо—это бриллиантъ; онъ дастъ своему владѣльцу столько богатствъ, сколько тотъ ни пожелаетъ. Стоитъ ему только прикоснуться къ этому камню рукою и громко произнести свое желаніе, какъ все устроится само собою.

Сказавъ это, онъ закрылъ ларчикъ и передалъ его купцу. Азисъ поблагодарилъ шаха, взялъ ларецъ и поѣхалъ догонять свой караванъ.

Вернувшись снова въ свою лавочку, онъ часто любовался драгоценными камнями и однажды открывъ ларчикъ, неожиданно увидѣлъ на его крышкѣ надпись, которой ранѣе не замѣчалъ:

„Да будетъ воля Алаха! Человѣкъ, который не гонится за земными благами, увидитъ, что передъ нимъ преклонится весь Востокъ. Это вѣрно такъ же, какъ и то, что финикъ растетъ на своей пальмѣ“.

Азисъ никому не рассказывалъ о случившемся и ему никогда не приходило въ голову удостовѣриться въ чудесныхъ свойствахъ его камней уже потому, что онъ, во первыхъ, былъ человѣкъ простой, а во вторыхъ—онъ вовсе не хотѣлъ превосходить своихъ сосѣдей ни познаніями, ни богатствомъ.

Но въ концѣ концовъ и до Баг-

дада дошли слухи о томъ, что шахъ былъ спасенъ какимъ-то купцомъ; узнали также и томъ, чѣмъ и какъ былъ награжденъ купецъ. Поэтому бѣднаго Азиса стали осаждать цѣлыя толпы и всѣмъ было любопытно поглядѣть на чудодѣйственный ларчикъ. У него еще никогда не бывало до сихъ поръ столько покупателей и никогда онъ не торговалъ такъ хорошо. Онъ сталъ такъ богатѣть, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ въ этомъ помогаль ему драгоценный камень.

— Выбери себѣ одинъ изъ этихъ ларчиковъ.

Другого употребленія изъ своихъ драгоценностей, заработанныхъ храбростью, онъ такъ и не дѣлалъ и, когда онъ умеръ, то старшій сынъ его Али-Гайтамъ предложилъ своимъ братьямъ бросить жребій, кому должны достаться камни?

Онъ былъ въ душѣ увѣренъ, что ему достанется бирюза.

Второй братъ Али-Гассанъ принялъ это предложеніе съ радостью. Онъ даже составилъ въ головѣ планъ, какъ поступить, если бриллиантъ достанется не ему, а самому младшему, третьему брату.

Но послѣдній, котораго звали Абдуль-Кассимъ, въ самый моментъ, когда братья собирались бросать жребій, сказалъ:

— Дорогіе братья, насъ трое, а драгоценныхъ камней только два. Надо сдѣлать такъ, чтобы между нами не было никакихъ ссоръ. Такъ какъ я моложе васъ, то у меня и правъ на наследство меньше, чѣмъ у васъ. Бросайте жребій между собою, а я отказываюсь.

Старшимъ братьямъ очень понравилось такое предложеніе, тѣмъ болѣе что каждому изъ нихъ достался именно тотъ камень, которымъ каждый желалъ владѣть.

— А для того, чтобы и у меня осталось хоть что нибудь на память о любимомъ отцѣ,—продолжалъ Абдуль-Кассимъ,—отдайте мнѣ желѣзный ларчикъ. Вамъ онъ теперь не нуженъ!

Али-Гассанъ поспорилъ было немножко, но потомъ согласился.

Вслѣдъ за этимъ всѣ трое братьевъ покинули отцовскій домъ и разбрелись въ разныя стороны искать счастья.

Старшій братъ Али-Гайтамъ ку-

пилъ себѣ кусокъ кисеи, обмоталъ ею голову на подобіе тюрбана и запряталъ въ нее свою бирюзу. Затѣмъ онъ пошелъ на базаръ, гдѣ тотчасъ-же почувствовалъ въ себѣ приливъ мудрости и познаній, которыя такъ и просились наружу. Благодаря чудодѣйственному камню, въ его головѣ вмѣстились сразу самыя разнообразныя свѣдѣнія. Онъ позналъ происхожденіе вещей и получилъ способность видѣть сквозь самыя толстыя стѣны.

Проходя мимо дворца Калифа, онъ увидѣлъ, что въ подземныхъ погребахъ его хранится девять тысячъ мѣшковъ съ золотомъ и что дочь калифа Фатъма—самая красивая дѣвушка на всемъ Востока. И ему пришла въ голову блестящая мысль, наполнившая радостью его сердце.

— А что,—подумалъ онъ,—если я отдамъ въ распоряженіе калифа мою мудрость и мои познанія, сдѣлаюсь его первымъ совѣтникомъ и въ концѣ концовъ женюсь на его дочери, прекрасной Фатъмѣ?!

Къ несчастью, въ тотъ же самый моментъ ему захотѣлось показать и толпѣ, до какой степени онъ мудръ. Онъ обошелъ вокругъ базара, поднялся по лѣстницѣ повыше и оттуда закричалъ:

— Жители Багдада! Вы увѣрены, что солнце вращается вокругъ земли и поэтому вы—глупы. Слушайте меня! На самомъ дѣлѣ земля вращается вокругъ солнца...

Но тутъ онъ принужденъ былъ остановиться, потому что толпа свирѣпо закричала:

— Али-Гайтамъ сошелъ съ ума! Слышите, какія глупости проповѣдуетъ онъ?! Сунемъ-ка его головою подъ струю холодной воды, которая течетъ изъ пасти мраморнаго льва! Это освѣжитъ его и онъ поумнѣетъ...

При этомъ одинъ торговецъ фруктами пустилъ философу въ лицо апельсиномъ и крикнулъ:

— Али-Гайтамъ не правъ. Вращаются и движутся не солнце и не земля, а апельсинъ!..

Апельсинъ попалъ прямо въ тюрбанъ и сбиль его съ головы. Али хотѣлъ было поднять его, но это ему не удалось. Это послужило лишь сигналомъ къ тому, чтобы вся толпа набросилась на него. Ему пришлось спастись бѣгствомъ.

Испачканный и измятый, вернулся онъ домой, и сталъ гонимъ о томъ, что пропалъ его драгоценный камень.

Тупая и озлобленная толпа выказала очень мало уваженія къ познаніямъ и сбила съ него тюрбанъ.

Средній братъ поступилъ гораздо умнѣе. Такъ какъ до этого времени онъ не бывалъ нигдѣ дальше конца своей улицы, т. е. дальше Золотого Моста, то и не зналъ, чего бы ему пожелать. Но тѣмъ не менѣе онъ отправился на базаръ и сталъ прицѣпляться ко

всѣмъ товарамъ и вещамъ, какіе только попадались ему на глаза.

Онъ обратилъ вниманіе на одну вещь, цѣна которой однако же была очень высока. Это былъ турецкій кинжалъ, весь усыпанный драгоценными камнями. Работа была превосходная. Купецъ запросилъ пятьсотъ золотыхъ монетъ, а всѣ присутствовавшіе при этомъ ши-

Воры удалились съ его осломъ.

роко раскрыли глаза и удивлялись тому, что молодой парень дерзаетъ покупать такую дорогую вещь.

Въ то время, какъ Али вертѣлъ въ рукахъ кинжалъ, къ тому-же мѣсту, раздвигая толпу, приблизился паланкинъ. Молодой человекъ обернулся и увидѣлъ въ немъ сквозь плохо закрытыя занавѣски дѣвицу неописанной красоты.

Узнавъ, что это была дочь калифа, онъ рѣшилъ на ней жениться,

нисколько не сомнѣваясь, что калифъ съ удовольствіемъ отдастъ руку своей дочери человеку, обладающему волшебнымъ камнемъ. Поэтому онъ рѣшилъ купить кинжалъ и, прицѣпивъ его къ поясу, сталъ обдумывать, какъ-бы ему попасть къ калифу.

— Первое, что я сдѣлаю завтра, — сказалъ онъ купцу, — это зайду къ вамъ. Теперь при мнѣ недостаточно денегъ, но онѣ будутъ у меня сегодня же вечеромъ. Я не ожидалъ, что у меня сегодня ихъ не хватитъ.

Вернувшись домой, онъ осѣдлалъ своего тощаго осла и перекинулъ ему черезъ спину двѣ огромныя корзины; затѣмъ, какъ только стемнѣло, онъ взялъ его за узду и повелъ въ пустыню. Шелъ онъ такимъ образомъ долѣе часа, размышляя о славѣ и радостяхъ, которыя доставитъ ему драгоценный камень. Онъ не видѣлъ, что слѣдомъ за нимъ шли три подозрительныя личности, которыя не теряли его изъ вида отъ самаго базара.

„Должно быть, онъ очень богатъ, если покупаетъ такой дорогой кинжалъ, думали они. — Не дурно-бы его ограбить“...

Али остановился около большой пальмы, разостлалъ на землѣ свой халатъ, и сталъ дрожащей рукою тереть камень о ладонь и громко кричать:

— Духъ камня, пришли мнѣ

сейчасъ же двадцать мѣшковъ золотыхъ монетъ!

Онъ остановился на минуту и прислушался; ему показалось будто въ темнотѣ, недалеко отъ него, шепчутся какіе то люди. Но вскорѣ воцарилась опять тишина и онъ повторилъ свое заклинаніе во второй и въ третій разъ. Тутъ слышалось паденіе чего-то тяжелаго на халатъ и онъ увидѣлъ передъ собою двадцать мѣшковъ съ золотомъ.

Али-Гассанъ развязалъ одинъ изъ нихъ и по лицу у него разлилось довольство. Мѣшки были полнехоньки. Онъ быстро уложилъ ихъ въ корзины и навьючилъ ими своего осла.

Вдругъ онъ услышалъ таинственные голоса, а затѣмъ его схватили чьи-то сильныя руки за горло и повалили на землю. Какой-то человѣкъ взялъ его осла за узду и увелъ. Двое другихъ незнакомцевъ подняли съ земли его тюрбанъ и халатъ, оставивъ его такимъ образомъ полураздѣтымъ. Послѣ этого воры удалились съ его осломъ и скоро скрылись въ горахъ. Его страшно огорчило то, что воры вмѣстѣ съ тюрбаномъ похитили также и его волшебный камень. Домой онъ вернулся въ отчаяніи.

Пока все это происходило, третій братъ Абдуль-Кассимъ горевалъ о покойномъ отцѣ и съ печалью раздумывалъ о томъ, какъ и чѣмъ будетъ онъ добывать себѣ

насущенный хлѣбъ. Передъ нимъ на табуреткѣ стоялъ желѣзный ларецъ.

Раздался стукъ въ дверь и затѣмъ вошелъ Бенъ-Яхзеель, ростовщикъ, давшій ему недавно денегъ взаймы подъ большіе проценты.

— Абдуль-Кассимъ, — сказалъ онъ, — времена настали плохія и

— Я пришелъ сказать тебѣ, что деньги мнѣ не такъ нужны...

деньги становятся все дороже и нужнѣе. Тебѣ извѣстно, что я далъ тебѣ въ долгъ десять золотыхъ! Теперь я пришелъ получить ихъ съ тебя назадъ.

Въ этотъ моментъ взглядъ его упалъ на желѣзный ларецъ—и онъ вздрогнулъ. А затѣмъ, послѣ нѣкотораго усилія скрыть свое волненіе, онъ продолжалъ уже совсѣмъ другимъ тономъ.

— Я пришелъ сказать тебѣ, что

Ручные олени на Дальнемъ Сѣверѣ.

Играющие дельфины у острова Гибралтара.

деньги мнѣ не такъ нужны... Ты можешь, если тебѣ угодно, не платить еще нѣсколько мѣсяцевъ... и даже нѣсколько лѣтъ... Твой долгъ ничтоженъ... Я пришелъ сказать тебѣ, чтобы ты не безпокоился. Вѣдь ты обладаешь этимъ волшебнымъ ларцомъ... Ты теперь самый богатый человѣкъ...

Ростовщикъ низко поклонился своему должнику и ушелъ.

Абдуль-Кассимъ былъ не мало удивленъ переменою, которая вдругъ произошла съ ростовщикомъ, и припомнивъ его взглядъ, брошенный на ларецъ, не могъ не улыбнуться.

Въ тотъ же вечеръ къ нему пришелъ сосѣдъ, торговецъ платьемъ, который не переступалъ его порога уже нѣсколько лѣтъ.

— Милый другъ,—сказалъ онъ, раскладывая передъ Абдуль-Кассимомъ дорогой шелковый халатъ,—я пришелъ къ тебѣ съ извиненіемъ. Моя лошадь недавно забрызгала грязью твой халатъ. Она еще молода и плохо выѣзжена. Вмѣсто испорченнаго я принесъ тебѣ новый халатъ и надѣюсь, что онъ тебѣ понравится.

И оставивъ халатъ, онъ ушелъ.

Молодой человѣкъ никакъ не могъ припомнить такого случая и былъ пораженъ благородствомъ купца, который былъ извѣстенъ своею скупостью и тѣмъ не менѣе принесъ ему шелковый узорчатый халатъ.

На слѣдующій день, когда онъ примѣривалъ этотъ халатъ, къ нему явился вдругъ его очень дальній родственникъ и привелъ ему превосходную лошадь въ попонѣ.

— Милый братецъ,—заговорилъ родственникъ, котораго Абдуль-Кассимъ никогда раньше и въ глаза не видалъ,—милый братецъ, я вижу, что вы очень опечалены смертью вашего батюшки, и мнѣ хочется теперь хоть немного развлечь васъ. У меня много лошадей и я привелъ вамъ одну. Сдѣлайте мнѣ честь, примите ее въ подарокъ. Этимъ вы очень обяжете меня!

Абдуль-Кассимъ отказывался, но родственникъ настаивалъ. Молодой человѣкъ согласился и не могъ воздержаться отъ искушенія поѣздить верхомъ. Онъ проскакалъ галопомъ по всему городу.

Встрѣчные кланялись, а многіе останавливались и кричали:

— Я вѣдь правду говорилъ! Абдуль-Кассимъ былъ любимцемъ своего отца и получилъ отъ него въ наслѣдство желѣзный ларецъ. А въ томъ ларцѣ—драгоцѣнные камни, которые могутъ сдѣлать человѣка сразу умнымъ и богатымъ!

На слѣдующій день, когда придворный цирюльникъ вошелъ по обыкновенію къ калифу, чтобы побрить ему голову, то калифъ его спросилъ:

— Ну, Гармосъ, что новенькаго въ городѣ? О чемъ тамъ говорить?

Цирюльникъ поклонился ему до земли и отвѣтилъ:

— О чемъ, повелитель правовѣрныхъ, могутъ говорить люди, какъ не о твоей мудрости и добротѣ?

— Довольно лести! — обидѣлся на него калифъ. — Скажи мнѣ лучше правду, о чемъ говорятъ?

— Говорятъ, — началъ, заикаясь цирюльникъ, — говорятъ о твоёмъ подданномъ Абдуль-Кассимѣ... Его называютъ самымъ мудрымъ и самымъ богатымъ изъ всѣхъ твоихъ подданныхъ.

— Абдуль-Кассимъ! Я не знаю такого!

— Онъ сынъ и наслѣдникъ стараго купца Азиса — продолжалъ смѣлѣе цирюльникъ. — Этотъ Азисъ спасъ тебѣ жизнь, а ты отблагодарилъ его желѣзнымъ ларчикомъ...

И онъ рассказалъ при этомъ все, что зналъ о драгоценныхъ камняхъ.

Внимательно выслушавъ его рассказъ, калифъ отослалъ его и тотчасъ же послалъ за своимъ великимъ визиремъ.

Визирь явился и подтвердилъ повѣствованіе цирюльника.

— Абдуль-Кассимъ, — сказалъ онъ, — знаетъ все, что дѣлается въ мірѣ, и стоитъ только ему пожелать чего-нибудь, какъ все тотчасъ же является къ его услугамъ.

Калифъ сдѣлался серьезенъ.

— Ты говоришь, сказалъ онъ, — что всѣ его желанія исполняются?

— Такъ точно, великій повелитель.

— А что, если онъ пожелаетъ отнять у меня тронъ?

— И твой тронъ, великій повелитель, тогда тоже достанется ему.

— Гм... А не будетъ-ли умнѣе въ такомъ случаѣ, заранѣе подарить ему дворецъ и женить его на моей дочери? А? Какъ ты думаешь, визирь?

Великій визирь призналъ эту мысль гениальной и увѣдомилъ объ этомъ Абдуль-Кассима, который не мало удивился, узнавъ, что повелитель правовѣрныхъ даритъ ему дворецъ и ждетъ его съ визитомъ къ себѣ.

Въ тотъ же вечеръ молодой человекъ взвалилъ на спину лошади все свое имущество, взялъ подъ мышку желѣзный ларчикъ и, сопровождаемый одобрительными криками толпы, перебрался во дворецъ.

Его ожидала толпа рабовъ; всѣ они упали передъ нимъ на колѣни. Одинъ изъ нихъ провелъ его въ залу, гдѣ былъ сервированъ богатый и вкусный обѣдъ.

Никогда еще Абдуль-Кассимъ не видалъ такой роскоши, но и не забылъ возблагодарить Аллаха за его благодѣянія.

На слѣдующее же утро онъ надѣлъ свой новый халатъ, и отправился благодарить калифа.

Повелитель правовѣрныхъ сидѣлъ на тронѣ. Увидя его, Абдуль-

Кассимъ хотѣлъ упасть передъ нимъ на колѣни и поклониться ему до земли, но калифъ спустился съ трона самъ и взялъ его за руку.

— Ты-ли, спросилъ онъ, Абдуль-Кассимъ, сынъ Азиса, купца, жившаго когда-то близъ Золотого Моста?

— Я—отвѣтилъ молодой человекъ.—Позволь мнѣ поблагодарить тебя за дворецъ, который ты подарилъ мнѣ, самому ничтожному изъ твоихъ подданныхъ.

— Я слышалъ о тебѣ много хорошаго,—продолжалъ калифъ.—Я прошу тебя показать мнѣ волшебные камни, которые дали тебѣ могущество и богатство.

— О какихъ камняхъ ты изволишь говорить?—спросилъ его съ удивленіемъ Абдуль-Кассимъ.

— О тѣхъ самыхъ,—отвѣтилъ калифъ,—которые ты получилъ въ наслѣдство отъ отца.

Молодой человекъ остолбенѣлъ.

— У меня нѣтъ никакихъ драгоценныхъ камней, робко отвѣчалъ онъ.

И честный и прямой по природѣ Абдуль-Кассимъ тотчасъ же рассказалъ повелителю правдивныхъ, какъ онъ уступилъ свои права на камни своимъ двумъ старшимъ братьямъ.

— Но,—сказалъ калифъ,—вѣдь Бенъ-Яхзеель видѣлъ у тебя желѣзный ларецъ?

— Дѣйствительно, онъ могъ видѣть ларецъ,—отвѣтилъ Абдуль-

Кассимъ,—но ларецъ мнѣ достался послѣ дѣлежа. Взавши камни, братья уступили его мнѣ, чтобы и у меня оставалась по отцѣ хотя какая-нибудь память.

Калифъ, повидимому, все еще не вѣрилъ. Онъ послалъ раба къ Кассиму во дворецъ и приказалъ ему найти тамъ и принести къ нему ларецъ. Скоро ларецъ былъ принесенъ. Калифъ самъ приподнял на немъ крышку и увидѣлъ, что ларецъ, дѣйствительно, былъ пустъ; но въ то же время взгляды его упали на надпись и онъ прочелъ:

„Да будетъ воля Аллаха! Человекъ, который не гонится за земными благами, увидить, что передъ нимъ преклонится весь Востокъ. Это вѣрно такъ же, какъ и то, что финикъ растетъ на своей пальмѣ“.

Прочитавъ громко эти слова, калифъ пристально посмотрѣлъ на молодого человека.

— Абдуль-Кассимъ,—сказалъ онъ,—въ твоёмъ сердцѣ заключаются драгоценности, которыя дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ. Изъ дружбы къ братьямъ ты отказался отъ драгоценныхъ камней, а изъ любви къ отцу ты взялъ на свою долю желѣзный ларецъ, не имѣющій съ перваго взгляда никакой цѣны. Но Аллахъ благословилъ тебя за твою доброту и съ помощью этого желѣзнаго сундучка далъ тебѣ и могущество, и

богатство. Я послѣдую этому же примѣру. Я отдамъ тебѣ самую высшую мою драгоценность, какая только у меня есть: я отдамъ за тебя мою единственную дочь.

Онъ позвалъ слугу и приказалъ ему привести въ тронную залу прекрасную Фатьму.

И стала она женою Абдуль-Кассима. Но ни она и никто въ мірѣ никогда не узналъ, что желѣзный ларчикъ былъ пустъ. Калифъ по-совѣтовалъ своему зятю держать это въ большомъ секретѣ.

Чувствуя приближеніе старости, спустя пять лѣтъ, калифъ сложилъ съ себя обязанности и передалъ власть Кассиму.

Вырѣзанное на крышкѣ желѣзнаго ларчика предсказаніе такимъ образомъ сбылось.

Абдуль - Кассимъ царствовалъ въ Багдадѣ много лѣтъ. Онъ оказался лучшимъ и мудрѣйшимъ монархомъ, какой когда-либо возсѣдалъ на мусульманскомъ тронѣ.

А. Mougaux. («М. J.»).

МАМА ДОРОГАЯ.

Кто молочкомъ меня вскормилъ,
Ночей недосыпая?

Кто пеленалъ меня, растилъ?

— То мама дорогая!

Когда отъ боли я кричалъ,

Заснуть всѣмъ не давая,

То кто меня ласкалъ, качалъ?

— То мама дорогая!

Когда случался жаръ большой

И я лежалъ, пылая,

То кто страдалъ по мнѣ

душой?

— То мама дорогая!

Когда-жъ на солнышкѣ сидѣлъ,
Песочкомъ я играя,

То кто такъ ласково глядѣлъ?

— Все мама дорогая!

Кто научилъ меня читать,

Къ молитвамъ приучая?

Кто мнѣ помогъ счастливымъ стать?

— Все мама дорогая!

Кто мнѣ сказалъ, что всѣ живутъ,

Въ трудѣ изнемогая,

Что цѣль всей жизни нашей —

трудъ?

— То мама дорогая!

Когда-жъ я выросту большой,

То, хлѣбъ свой добывая,

Я не разстанусь ужъ съ тобой,

О, мама дорогая!

Аистъ.

ЧЕТВЕРО.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

На слѣдующее утро, когда мы садились завтракать, къ намъ вдругъ неожиданно пришелъ пѣшкомъ Оедя. Онъ былъ весь красный отъ жары и всю дорогу шелъ босикомъ, потому что мы видѣли, какъ, войдя къ намъ во дворъ, онъ присѣлъ подъ заборомъ въ уголку и надѣлъ сапоги. Едва только онъ явился къ намъ, какъ тотчасъ же его усадили за столъ и начался смѣхъ. Застѣнчивый и дикій только съ виду, онъ какъ-то сразу развернулся и сталъ показывать намъ разныя штуки: какъ ѣсть лошадь, какъ жуеть жвачку корова, а когда дошла очередь до курицы, какъ она клюетъ, то онъ нагнулся надъ тарелкой и сталъ долбить своимъ носомъ въ соусъ изъ кабачковъ и баклажановъ.

— Ну, на кого ты, Оедоръ, сталъ похожъ? урезонивала его Юрьевна.—Посмотри на себя въ зеркало! Вѣдь ты обмазалъ соусомъ всю свою обрзину!

Но Оедя не унимался, обмакнулъ еще палецъ въ красную подливку изъ томатовъ и нарисовалъ имъ у себя на лбу кружокъ.

— Это кокарда! сказалъ онъ.— Теперь я—офицеръ.

— Пороть тебя некому! заворчала Юрьевна.—Такъ себя изма-

залъ, что ни образа, ни подобія Божія не стало. У—у, безстыдникъ!

Послѣ завтрака мы всѣ высыпали въ садъ. У Оеди было плутоватое выраженіе лица и мы догадывались, что онъ что-то затѣялъ. Чувствуя себя героемъ дня, онъ шелъ впереди всѣхъ и размахивалъ руками. Дойдя до забора, на которомъ грѣлись мухи, онъ взмахнулъ рукою, сжалъ кулакъ и поднесъ его къ уху.

— Ага! обрадовался онъ.—Есть! Поймалъ!

И разжавши кулакъ, онъ бросилъ всѣхъ мухъ къ себѣ въ ротъ, разжевалъ ихъ и съѣлъ.

— Оедя, что ты дѣлаешь? испугались мы.—Вѣдь это тебѣ повредитъ!

Но онъ весело утеръ ротъ рукавомъ и отвѣтилъ:

— Ничего! Онъ — кисленькія! Вкусно!

И такимъ-же героемъ онъ отправился далѣе по саду. Мы кучей слѣдовали за нимъ.

— А вотъ то дерево, на которомъ Мурка вывела своихъ котятъ! сказала ему Ниночка.

— Какая Мурка? Какихъ котятъ? спросилъ Оедя.

Мы рассказали ему, какъ вчера Мурка принесла въ зубахъ откуда-

то своихъ двухъ котятъ и какъ Юрьевна объяснила намъ, что она всегда выводитъ своихъ дѣтенышей на этомъ дубу въ грачиномъ гнѣздѣ.

Глаза Оеди засверкали.

— Подождите меня здѣсь! сказалъ онъ и со всѣхъ ногъ пустился въ домъ. Мы ожидали его и не догадывались, что онъ еще затѣялъ? А онъ скоро вернулся обратно, держа въ рукѣ одного изъ котятъ, и все время Мурка бѣжала за нимъ и жалобно мяукала.

— Куда ты его несешь? испугалась Ниночка.

— Я сейчасъ влѣзу на этотъ дубъ, отвѣтилъ Оедя, — и положу котенка обратно въ грачиное гнѣздо. Мы посмотримъ, какъ Мурка снова будетъ нести его въ зубахъ на землю!

И не смотря на наши возраженія и на то, что Ниночка стала плакать, онъ быстро вскарабкался на дерево и полѣзъ по его вѣтвямъ.

— Вернись, Оедя! кричали мы. — Не смѣй этого дѣлать!

Но онъ былъ уже на самой вершинѣ и мы видѣли, какъ онъ вынулъ изъ-за пазухи котенка и положилъ его въ грачиное гнѣздо. Мурка все время стояла подъ деревомъ и жалобно мяукала.

— Есть что-нибудь еще въ гнѣздѣ? крикнулъ ему Коля.

— Кромѣ перьевъ—ничего! отвѣтилъ ему, точно съ неба, Оедя и также быстро спустился на землю.

Но, противъ его ожиданія, Мурка не полѣзла на дерево, а походивъ немного вокругъ его ствола, печально побрела обратно домой.

— Ну, вотъ видишь! чуть не со слезами на глазахъ набросились мы всѣ на Оедю.—Теперь котенокъ тамъ издохнетъ одинъ безъ матери! Изволь сейчасъ-же лѣзть и доставать его обратно изъ гнѣзда!

Но онъ весело разсмѣялся и, какъ ни въ чемъ не бывало, побѣжалъ по аллеѣ прочь отъ дуба. Мы всѣ бросились вслѣдъ за нимъ. Онъ убѣгалъ отъ насъ, мы бѣжали за нимъ и никакъ не могли его поймать. Онъ такъ ловко увертывался отъ насъ, что намъ стало обидно, и мы рѣшили изловить его во что бы то ни стало.

— Не поймаете! Не поймаете! дразнилъ онъ насъ.

А мы бѣжали за нимъ и отвѣчали съ досадой:—Нѣтъ, поймаемъ! Нѣтъ, поймаемъ!

И между нами началась игра въ перегонки. Мы позабыли о котенкѣ и кошкѣ и теперь единственною нашею мыслью, единственнымъ нашимъ желаніемъ — было поймать Федора. Подъ конецъ онъ утомился и самъ отдался намъ въ руки и, потные, раскраснѣвшіеся отъ жары и запыхавшіеся, мы снова отправились къ дубу, чтобы заставить его опять влѣзть на него и достать изъ гнѣзда котенка.

— Пойдите, сказалъ онъ.—Дайте духъ перевести! Уфъ, усталъ!

Мама допорога! (Иль стр. 685).

Горный поток.

И пока онъ переводилъ духъ, мы увидали неожиданную картину. Къ дубу подошла Мурка, вспрыгнула на него и по его вѣтвямъ направились къ гнѣзду. Во рту она несла котенка, но только не того, котораго Одея посадилъ въ гнѣздо, а другого, который оставался дома; значитъ Мурка обидѣлась на то, что надъ ней посмѣлись, и снова со всѣмъ семействомъ переселилась въ гнѣздо.

Ниночка успокоилась за перваго котенка, но ей было жалко, что теперь у нея не будетъ въ гнѣздѣ и втораго котенка. Она печально отошла къ стѣнѣ. Но въ это время Одея сталъ казывать, какъ ползаетъ змѣя, и распростерся животомъ по травѣ, мы громко засмѣялись и развеселилась и она. А затѣмъ Одея вдругъ вскочилъ и сказалъ:

— Давайте играть въ Робинзона! Это такъ интересно!

— Давайте! отвѣтили мы. — А какъ въ него играть?

— Мы сейчасъ отправимся къ рѣкѣ, сядемъ въ лодку и поплывемъ къ острову. По дорогѣ мы сдѣлаемъ кораблекрушеніе, упадемъ всѣ въ воду и прямо въ одеждѣ и въ сапогахъ будемъ спасаться. Кто изъ насъ доплыветъ до острова, тотъ и будетъ Робинзонъ, а кто утонетъ... тотъ—такъ и утонетъ!

Мы всѣ испугались этой его интересной игры и дико на него посмотрѣли.

— Одея, сказала я, — что это ты

говоришь? Да вѣдь мы утонемъ всѣ! Въ умѣ-ли ты?

Онъ сообразилъ, что придуманная имъ игра была нелѣпой, и смутился.

— Да, согласился онъ. — Дѣйствительно, эта игра не тово... У насъ вышелъ-бы такой Робинзонъ, что я послѣ остался-бы безъ ушей. Что-бы намъ такое придумать еще?

И пока мы придумывали, чѣмъ-бы намъ заняться, насъ кликнули вдругъ въ домъ.

— Дѣти! Чай пить!

Мы хотѣли пить и отправились бѣгомъ на зовъ. За чаемъ Одея опять дѣлалъ глупости и всѣхъ насъ смѣшилъ. Наливъ себѣ въ блюдце чаю и положивъ въ него сухарикъ, онъ говорилъ, что это все не сухарь, а бригъ, „Чайка“ — то этотъ бригъ терпитъ кораблекрушеніе. При этомъ Одея грязнымъ пальцемъ болталъ въ блюдце чай, и потомъ всю полученную порцію этого кораблекрушенія муть съвалъ.

— Ну, и что? — всѣ балуешься! — всѣ люди, ты въ колпагѣ! — лаганѣ на ярмаркѣ!

Но тетя - Оля тоже еще болѣе смѣялась на него и это выязило и носки естнико и от Юрьевны и тетя любила е

носилаь къ нему очень снисходительно.

— Хотите, я покажу вамъ памятникъ Пушкину? вдругъ обратился онъ къ намъ послѣ чая.

— Хотимъ, отвѣтили мы.

Онъ вышелъ въ сосѣдную комнату, выдвинулъ на середину ея столъ, поставилъ на столъ стулъ, на стулъ скамеечку, взобрался на самый верхъ и сталъ въ позу подь самымъ потолкомъ.

— Смотрите! крикнулъ онъ. — Я—Пушкинъ!

Мы всѣ бросились на него смотрѣть, какъ вдругъ въ это время въ стулъ что-то затрещало и къ нашему ужасу, нашъ Пушкинъ, потерявъ равновѣсіе, кубаремъ свалился на полъ со своего высокаго пьедестала. Мы такъ и ахнули. Тетя и Юрьевна бросились къ нему, подняли его съ полу и очевидно онъ сильно расшибъ себѣ затылокъ и ногу потому что тотчасъ же схватился за нихъ руками и сталъ тереть.

— И что мнѣ съ тобой дѣлать! воскликнула Юрьевна.—И уродится-же такой головорѣзь! Ну, говори! Гдѣ ушибъ? Гдѣ больно?

Тетя тоже захлопотала около Оеди, но въ это время вдругъ раздалось мяуканье и мы снова увидели нашу Мурку. Она опять явилась въ домъ и на этотъ разъ держала во рту уже того самаго котенка, котораго Оедя посадилъ въ гнѣздо.

— Мурка! Мурка! закричали мы. Мы всѣ, въ томъ числѣ и Оедя, позабывшій о своихъ ушибахъ, столпились вокругъ кошки и ея котенка и стали ихъ ласкать.

— Я побѣгу сейчасъ, воскликнулъ Оедя,—и принесу и того!

И онъ выбѣжалъ въ садъ, взобрался на дубъ, досталъ изъ грачинаго гнѣзда и другого котенка и принесъ его въ домъ. Теперь вся кошачья семья опять была въ сборѣ.

— Что это у тебя на спинѣ? вдругъ удивилась Юрьевна.

Она повернула Оедю за плечи къ намъ спиною и мы увидели, что на его курткѣ зіяла огромная дыра. Доставая котенка, Оедя зацѣпился за сучокъ и не замѣтилъ, какъ разорвалъ куртку отъ ворота до самого пояса. Мы всѣ весело захохотали.

— Ну, что мнѣ съ тобой дѣлать? покачала головой Юрьевна.—И въ кого ты такой уродился? Вотъ погоди, я пожалуюсь на тебя отцу Варсонофію; онъ тебѣ задасть!

И стащивъ съ него черезъ голову куртку, она надѣла очки, сѣла у окошка и стала ее почищать.

— Ну, сыночекъ крестный! Нечего сказать! ворчала она.—Наградилъ Господь сыночкомъ! И родилась и крестилась, а такихъ крестныхъ сыночковъ не видала!

Онъ сидѣлъ въ одной рубашкѣ и дожидался, когда Юрьевна окон-

читать зашиванье его куртки и, глядя на его пухлыя розовыя щеки, на его крѣпкія, широкія плечи, мы такъ и ожидали, что вотъ-вотъ онъ выкинетъ опять какую-нибудь штуку. Казалось, что ему некуда было дѣвать своего здоровья и силъ и что если-бы ему запретили двигаться и шалить, то онъ зачахъ-бы и заболѣлъ.

— Ну, что буркалы-то свои пучишь? огрызнулась на него Юрьевна.—Вотъ возьму сейчасъ, да твой носъ и зашью!

Очевидно, она любила своего крестника, любила его такого, какъ онъ есть, здороваго, неуклюжаго, отчаяннаго шалуна. Ей нравилось, что онъ много ѣлъ, много пилъ, лазалъ по деревьямъ, выдумывалъ разныя нелѣпыя игры и не плакалъ, когда больно ушибался. Признаюсь, этимъ нравился онъ и намъ. И когда Юрьевна бранила его, когда она ворчала на него, то, не смотря на ея хмурое лицо и строгій тонъ, мы такъ и слышали въ ея словахъ: „Вотъ это—настоящій мальчишка! Изъ этого будетъ отличный солдатъ!“

Пока Юрьевна шила, Федя показывалъ намъ крѣпость своихъ мускуловъ. Онъ стибалъ руку и просилъ насъ щупать его около плеча. Коля щупалъ и долженъ былъ сознаться, что у него, Коли, мускулы были много слабѣе.

— Отчего ты такой сильный? спросилъ его Коля.

— Отчего сильный? отвѣтила за него Юрьевна. — Отчего казакъ гладокъ? Поѣлъ — да и на бокъ! Оттого, что много ѣсть!

А потомъ она отняла глаза отъ зашиванья и задумчиво покачала головой.

— Ахъ, дѣточки мои, дѣточки, сказала она.—Счастливыя тѣ дѣти, которыя всю свою жизнь живутъ не въ городѣ, а въ деревнѣ! Здѣсь есть, гдѣ и побѣгать, и поиграть и по деревьямъ ползать. Молоко у насъ свѣжее, не болтанное, яйца у насъ прямо изъ — подъ курицы, хлѣбъ у насъ свой, домашній!.. Вотъ и вырастаютъ на свободѣ такіе головорѣзы, какъ мой крестничекъ Федоръ!

Мы смотрѣли на этого Федора и намъ было завидно, что онъ росъ и воспитывался въ деревнѣ, гдѣ было такъ просторно, такъ привольно и гдѣ созрѣвало такъ много фруктовъ и овощей и такъ просто слагалась вся жизнь.

— А сколько болѣзней даютъ намъ ваши города! обратилась Юрьевна теперь уже ко мнѣ.—Прежде, когда наши мужики не ходили еще въ городъ, на заработки, мы и не слышали ни о какихъ болѣзняхъ! А теперь: то скарлатина, то тифъ, то дифтеритъ! Такія пошли болѣзни, что и названій-то ихъ не выговоришь! Вотъ взять хоть-бы бѣднаго Лазаря! Какой былъ плотный, да здоровенькій мальчикъ! Кровь съ моло-

комъ! Бывало не нагладишься! А пришелъ къ мельничихѣ рабочій изъ города, занесъ съ собою скарлатину и что вотъ вышло? Истаялъ мальчуганъ, какъ свѣчка! Ну, бѣгите теперь всѣ въ садъ!

Она встала, потрясла въ окошко куртку Оеди и дала ему ее надѣть. Мы всѣ гурьбою опять высыпали въ садъ и играли тамъ до самаго обѣда. За обѣдомъ Оедя снова чудилъ. Онъ ѣлъ за четверыхъ и когда подали тоненькіе яичные блинчики, то проѣлъ въ одномъ изъ нихъ глаза, носъ и ротъ и надѣлъ его, точно маску, себѣ на лицо.

— Ну, что ты, шутъ-Балакиревъ, дѣлаешь? крикнула на него Юрьевна и полу-шутя, полу-серьезно ударила его по затылку.—Вотъ погоди, ужо я тебя высѣку прутомъ!

Но намъ было весело, мы всѣ смѣялись и, глядя на насъ смѣялись и тетя-Оля, и сама Юрьевна, и старенькая Марья Оеопентовна, сидѣвшая въ уголку.

— Дорогіе мои! шептала она.—Такъ бы все сидѣлъ, да на васъ бы и глядѣлъ!.. Сподобилъ Господь дождаться..

Послѣ обѣда было пасмурно и задулъ къ вечеру сильный вѣтеръ. Сначала мы думали, что кто-то взадъ и впередъ ѣздитъ черезъ мость, но оказалось, что это вдалекѣ гремѣлъ громъ. Стала собираться гроза и, полчаса спустя, вѣтеръ уже буйно шумѣлъ въ

вѣтвяхъ деревьевъ и гналъ вдоль дороги цѣлыя облака пыли. Оедя засбирался домой, но его не пустили и оставили ночевать. Громъ сталъ гремѣть все ближе и ближе и наконецъ грянулъ дождь. Стало вдругъ темно и пришлось зажигать огонь, не смотря на то, что было всего еще только семь часовъ вечера. Молніи вспыхивали во всѣхъ концахъ неба и такъ ярко, что насъ ослѣплялъ ихъ свѣтъ, и раздавались такіе удары грома, что казалось, будто надъ нами раскалывалось на части небо и съ грохотомъ валилась по желѣзной крышѣ кирпичная труба. Тетя-Оля, Юрьевна и Марья Оеопентовна набожно крестились и при каждой вспышкѣ молніи шептали:

— Святъ, святъ, святъ!..

Тѣсно прижавшись другъ къ другу, мы, дѣти, сидѣли рядышкомъ на диванѣ, щурились отъ вспыхивавшихъ молній и боялись, какъ-бы громъ насъ не убилъ. Дождь лилъ какъ изъ ведра, вода съ шумомъ бѣжала по водосточной трубѣ и въ то-же время дулъ сильный вѣтеръ и потрясалъ вершинами столѣтнихъ липъ и дубовъ.

— Трахъ-тахъ-тахъ!.. гремѣлъ раскатисто громъ и казалось, будто кто-то стрѣлялъ сразу изъ тысячи ружей. — Тррра!!!

— Тетя, намъ страшно!.. вдругъ послышался жалобный голосокъ Ниночки.

— Не бойся, дѣточка, отвѣтила

ей тетья-Оля.—Скажи „Святъ, святъ, святъ“.., страхъ и пройдетъ. Понеслѣ грозы во всемъ воздухѣ будетъ благодать!

Мы всѣ стали шептать „Святъ, святъ, святъ“... и точно-бы и въ самомъ дѣлѣ перестали бояться.

Въ девять часовъ вечера мы легли спать. Гроза все еще продолжалась. Сквозь плотно задернутыя темныя занавѣски къ намъ въ комнату врывались вспыхиванія молній и мы долго еще не могли уснуть.

— Такъ сегодня къ намъ Лазаря и не привезли! сказала тетья-Оля, выходя изъ нашей спальни.— Должно быть, Настасья Карповна не возвращалась еще домой.

— Да, бѣдный мальчикъ, отвѣтила ей Юрьевна.— Сидитъ теперь бѣдненькій во всемъ домѣ одинъ и грозы боится!

И, продолжая свой разговоръ, онѣ обѣ ушли куда-то далеко.

Оедею положили въ сосѣдней комнатѣ, но ему стало страшно одному и онъ перетащилъ свою перинку и подушку къ намъ и улегся среди пола. Мы долго еще разговаривали о разныхъ страшныхъ исторіяхъ и наконецъ стали мало-помалу засыпать. Все еще сверкала молнія, гремѣлъ громъ и дулъ вѣтеръ и мнѣ представлялся большой Лазарь, одинъ во всемъ домѣ, въ ужасѣ прижавшимся въ уголку. Казалось, я такъ-бы и побѣжала за нимъ и привела-бы его сюда.

Среди ночи я была разбужена

сильнымъ ударомъ грома. Гроза все еще продолжалась. Молнія по прежнему освѣщала нашу комнату, несмотря на спущенныя занавѣски, и все еще шумѣли деревья и шелъ дождь. Громко бредилъ во снѣ Оедея и мнѣ было страшно и грома, и его бреда.

— Оедея! Оедея! зашептала я ему.— Проснись! Не кричи такъ!

Но Оедея не просыпался и продолжалъ командовать кому-то во снѣ:

— Иди сюда! кричалъ онъ.— Говорять тебѣ, иди сюда!

Я укрылась съ головой и еще долго не могла заснуть. Я слышала, какъ пробило далеко въ столовой два часа и какъ гдѣ-то, должно быть у самой тети-Оли, имъ отвѣтили тоненькимъ, звонкимъ боемъ другіе часы. А затѣмъ заснула и я.

Когда мы проснулись, то свѣтило яркое солнце и было прохладно. Мы всѣ побѣжали къ окошкамъ и отдернули занавѣски. На всемъ лежалъ отпечатокъ пронесшейся грозы. По дорожкамъ сада валялись обломанныя сухія вѣтви, въ глубинѣ аллея видны были еще не просохшія лужицы воды и вся трава блистала на солнцѣ, точно усыпанная брилліантами.

— Теперь насъ долго не выпустятъ въ садъ! вздохнулъ Володя.

Въ другое окно, которое вело во дворъ, мы увидали громадную лужу какъ разъ среди двора и

массу плескавшихся и плававшихъ по ней утокъ и гусей. Пришла откуда-то свинья съ двѣнадцатю поросятами, тоже влѣзла въ лужу и легла въ ней на бокъ, а поросята стали играть около нея на бережку. Вышелъ изъ людской кухни Грицько и, громко шлепая по грязи, крикнуть кому-то:

— Ну, и гроза была ночью!

Пока мы такъ смотрѣли въ окна, къ намъ вошла няня - Акулина и стала насъ одѣвать.

— Яблоковъ - то, яблоковъ сколько осыпалось!.. говорила она. — Такъ вся трава грушами и обсыпана.

А когда мы вышли въ столовую къ чаю, то тамъ уже сидѣли тетя-Оля и еще какія-то женщины-хохлушки и старичокъ. Это были сосѣди. Они только и говорили между собою что о грозѣ: тамъ-то у мельницы прорвало плотину, а тамъ-то зажгло молніей сарай. Слушавшая ихъ, Марья Теопентовна крестилась, а мы смотрѣли на гостей большими глазами и не знали, бояться намъ, или нѣтъ? На этотъ разъ насъ никто противъ обыкновенія не угощаль.

— А гдѣ-же Юрьевна? спросилъ вдругъ Коля.

— За Лазаремъ уѣхала! отвѣтила тетя.— Уѣхала еще въ семь часовъ утра, а вотъ до сихъ поръ ея еще нѣтъ!

— Дорога плохая! сказалъ старичокъ.— Ну, счастливо оставаться!

Онъ поцѣловаль у тети-Оли руку, простился со всѣми и вышелъ изъ столовой, а вслѣдъ за нимъ ушли и гости-хохлушки. Мы остались одни.

— Такъ, значитъ, сегодня пріѣдетъ Лазарь! воскликнула я.— Вотъ хорошо!

У крыльца раздалось шлепанье лошадиныхъ копытъ.

— Да вотъ, должно быть, и онъ! сказала тетя-Оля.

Мы всѣ бросились къ окну и дѣйствительно увидали, что на тарантасикѣ и на рыженькой лошадекѣ, сплошь обрызганныхъ грязью, пріѣхала Юрьевна и привезла съ собою и Лазаря. Онъ самъ слѣзъ съ тарантасика, хотя былъ худъ, какъ спичка, и блѣденъ, какъ воскъ.

— Виданное-ли дѣло, вдругъ послышался въ прихожей голосъ Юрьевны, — оставлять мальчишку на двое сутокъ во всемъ домѣ одного! Пріѣзжаю, а онъ всю ночь отъ грозы не спалъ и дрожитъ, какъ осиноый листъ! Входи, входи, милый, не бойся! Здравствуйте, добрые люди! Миръ вамъ!

Въ столовую робко вошелъ Лазарь, а за нимъ показалась и Юрьевна.

— Вѣдь вотъ какіе бываютъ люди на свѣтѣ! продолжала она.— Уѣхала Настасья Карповна въ городъ на двое сутокъ, никому ничего не сказала, а его во всемъ домѣ оставила одного! Ну, и грязь-же! У Прохорыча прорвало плотину, у

Петренковыхъ зажгло сарай, а что у всѣхъ обсыпало съ деревьевъ яблокъ, да грушъ—такъ видимо-невидимо! Просто хотъ свиней корми!

И пока Юрьевна рассказывала деревенскія новости, мы обступили Лазаря со всѣхъ сторонъ и не знали, гдѣ его посадить. Попавъ

— А я здѣсь!

въ нашу компанію, онъ сразу, казалось, переродился: глаза у него заблестали, на блѣдныхъ щекахъ появился чуть замѣтный румянецъ и когда послѣ чаю мы перешли всѣ въ залу и стали играть, то онъ сѣлъ на стулъ и весело и звонко сталъ смѣяться тѣмъ глупостямъ, которыя выдѣлывалъ Оедя. Когда-

же мы затѣяли игру въ колечко и веревочку, то принялъ участіе въ ней и онъ и такъ веселился, что нельзя было даже и подумать, чтобы онъ былъ больной.

Насъ не выпускали въ садъ до полудня, пока не просохли дорожки. Послѣ-же завтрака мы высыпали всѣ шестеро въ аллеи и начали бѣгать взапуски. Бѣгалъ съ нами и Лазарь, хотя часто уставалъ и присаживался на лавочку. Положительно, онъ выздоравливалъ не по днямъ, а по часамъ! Иногда къ намъ выходили тетя-Оля и Юрьевна, заботливо прикладывали руку къ его лбу, но счастье и радость всей нашей компаніи захватили и его и онъ къ вечеру уже принималъ участіе въ большинствѣ нашихъ игръ.

— Ну, и слава Богу! твердила Юрьевна.—Быть можетъ, онъ съ дѣтми поправится скорѣе! А то все одинъ да одинъ...

— Да что у него такое? спрашивала я у нея.—Чѣмъ онъ боленъ?

— Все никакъ послѣ скарлатины поправиться не можетъ, отвѣчала она.—Что-то съ почками. То лучше, то хуже. Истаялъ бѣдный мальчикъ совсѣмъ!

Вечеромъ, когда всѣ мы рядились и устраивали маскарадъ, приѣхала матушка за Оедей. Батюшка отецъ Варсонофій безпокоился, не надоѣлъ-ли онъ своими выходками тетѣ? Матушку усадили пить чай,

а Оедя забился подъ тетину кровать и долго не хотѣлъ изъ подъ нея вылѣзть.

— Не хочу я домой! плакалъ онъ и по его розовымъ, пухлымъ щекамъ такъ и струились крупныя слезы.—Крестненькая, не пускайте меня домой!

— Ну, хорошо, хорошо! отвѣчала ему Юрьевна.— Сиди ужъ, да молчи!

И мы слышали, какъ Юрьевна и тетя-Оля еще долго упрашивали матушку оставить Оедора еще на два или три дня. Матушка долго не соглашалась, но подъ конецъ согласилась и уѣхала домой одна. Мы всѣ, въ томъ числѣ и Лазарь, стали прыгать отъ радости и хлопать въ ладоши.

— Тихе, тихе, пострѣлята! закричала на насъ Юрьевна. — Дайте попадѣ хоть выѣхать со двора, а то она подумаетъ, что вы провожаете такъ ее!

Мы снова принялись за нашъ маскарадъ. Я нарядилась въ тетины чеpecъ и капотъ, который былъ для меня великъ и волочился по землѣ, и надѣла на носъ очки, Коля нарядился туркомъ, Володя вывернулъ наизнанку бѣличью кофточку тети и сталъ ползать на

четверенькахъ, представляя волка, а Ниночку одѣли въ Володины рубашку и штаны, такъ что изъ нея получился очаровательный курявый мальчикъ. Лазарь тоже закутался весь въ пестрое одѣяло и

Первый рисунокъ.

надѣлъ на голову подушку. Что-же касается Оеди, то онъ зажегъ свѣчку, досталъ откуда-то листъ газетной бумаги и сжегъ его на свѣчѣ. Образовавшимся пепломъ онъ густо вымазалъ себѣ лицо,

шею и руки, такъ что оставались бѣлыми только зубы и бѣлки отъ глазъ, и, запрыгавъ на мѣстѣ, закричалъ:—

— Смотрите на меня! Я арабъ!

— Арабъ, арабъ! закричали всѣ мы и тоже запрыгали вокругъ него.

И дѣйствительно, онъ очень походилъ на негра.

Вошла Юрьевна и увидавши насъ въ смѣшныхъ нарядахъ, такъ и всплеснула руками. Собраны были въ домъ всѣ домочадцы, Грицько, Евдоха, Солоха и многіе другіе и всѣ они весело смѣялись, глядя на наши танцы и костюмы.

Когда-же кончился маскарадъ и Оедя сталъ умываться, то понадобилось еще много мыла и воды, чтобы сажа съ его лица смылась совсѣмъ.

— А ты возьми кирпичъ, посоветовала ему въ шутку Юрьевна, — да потри щеки кирпичомъ! Оно и отойдетъ.

Затѣмъ мы поужинали и отправились спать. Неспавшій всю прошедшую ночь, Лазарь давно уже дремалъ, да и мы тоже уже клевали носами. Лазаря и Оедю положили въ сосѣдней комнатѣ и Юрьевна строго приказала Оедѣ насъ не беспокоить.

— Вѣдь ты озорникъ! говорила

она.—Ну, что буркалы-то вышучилъ и глядишь? Спи ужъ!

Когда мы уже улеглись, то къ мальчикамъ вошла тетя-Оля и поставила Лазарю градусникъ. Подойдя затѣмъ съ градусникомъ къ свѣчкѣ, она долго разсматривала его и затѣмъ весело сказала:—Ну, и слава Богу! Температура нормальная!

И, перекрестивъ всѣхъ насъ общимъ крестомъ, она вышла изъ комнаты. Какъ только затихли ея шаги, Оедоръ вскочилъ съ постели, надѣлъ себѣ на голову простыню и забѣгалъ по спальнѣ.

— Я—смерть! кричалъ онъ.—Гдѣ моя коса? Берегитесь, я васъ всѣхъ подкошу!

Но вошла Юрьевна, взяла Смерть за ухо и отвела ее снова въ постель.

— И что это за безпокойное существо такое! проговорила она.—Точно у него въ спинѣ гвоздь торчитъ! Лежи смирно и не смѣй вставать!

И шуточно затопавъ на него ногами, она отправилась къ себѣ.

Пробило въ столовой девять часовъ, послышался тоненькій голосокъ и тетиныхъ часовъ и всѣ мы погрузились въ крѣпкій сонъ.

М. —скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О С Е Н Ъ.

Вотъ и осень! Сыро, стужа,
Что ни шагъ — то грязь и

лужа,

Дождь въ окно стучить...

Вѣтеръ дуетъ неустанно,
Стало мрачно и туманно,

Все кругомъ молчить.

Нѣтъ ужъ птицъ неугомонныхъ,

Нѣтъ цвѣточковъ благовонныхъ,

Лѣсъ ужъ не душистъ.

Дубъ и клень съ печальнымъ шумомъ,

Съ видомъ мрачнымъ и угрюмымъ,
Сбрасываютъ листь.

Мы сидимъ всѣ у камина,

А несчастный кустъ жасмина

Зябнетъ у окна.

Все кругомъ мертво, уныло,

Все не такъ, какъ раньше было.

Только грусть одна!

Ирисъ.

Н О В И Ч Е К Ъ.

Къ намъ поступилъ новичекъ. Это былъ мальчикъ лѣтъ одиннадцати, немного хромой и совершенно не владѣвшій лѣвой рукой. Едва только онъ появился въ нашемъ классѣ, какъ всѣ ученики сразу раздѣлились на двѣ группы. Одни грубо смѣялись надъ его недостатками, издѣвались надъ нимъ, а другіе, наоборотъ, взяли его подъ свое покровительство и при случаѣ защищали его не только на словахъ, но даже и на дѣлѣ.

Мальчикъ былъ серьезенъ, задумчивъ, почти ни съ кѣмъ не говорилъ, не обращалъ ровно никакого вниманія на обиды и только посылалъ намъ нѣжный взглядъ, всякій разъ какъ мы за него заступались. Звали его — Семеновъ.

Помню, мы вышли однажды изъ

школы цѣлой гурьбой. Впереди всѣхъ одиноко ковылялъ Семеновъ, а позади всѣхъ шелъ я. Только что выпалъ первый снѣгъ, въ воздухѣ было отлично и послѣ клас- сной духоты хотѣлось какъ можно глубже дышать и сдѣлать что-нибудь такое, что походило-бы на шалость. Какъ вдругъ одинъ изъ моихъ товарищей скомкалъ поря- дочный кусокъ снѣга и пустилъ имъ въ новичка. Снѣжокъ попалъ ему прямо въ затылокъ.

— Эй ты! Хромой! Берегись! за- кричалъ онъ калѣкъ.

Семеновъ нахмурился отъ боли и отъ холода, положилъ сумку на землю и сталъ правой рукой до- ставать снѣгъ изъ-за-ворота.

Но въ это время нѣсколько дру- гихъ школьниковъ тоже скатали

снѣжки и пустили ими въ Семенова. Одинъ изъ нихъ больно ударилъ его въ щеку и я видѣлъ, какъ новичекъ стиснулъ зубы отъ боли, но ничего не сказалъ. На глазахъ у него заблестѣли слезы.

— Хромой! Безрукій! закричали мальчуганы.—Тебѣ-бы не учиться, а въ богадѣльню идти! Проваливай съ дороги!

Я подскочилъ къ самому главному изъ обидчиковъ и чувствуя, какъ отъ гнѣва и обиды сжалось мое горло, заговорилъ:

— Ты не смѣешь обижать этого ученика! Развѣ ты не видишь, что онъ калѣка? Развѣ хорошо четверымъ нападать на одного?

— А ты чего лѣзешь, когда тебя не спрашиваютъ? Онъ можетъ защищаться и самъ!

— Но какъ же ему защищаться, когда онъ хромъ и безъ руки?

— А какъ же я дерусь со всѣми даже одной лѣвой рукой? возразилъ обидчикъ.—Нѣтъ, онъ попросту трусишка! Онъ трусь!

— Трусь! Трусь! закричали другіе изъ толпы.

Я не стерпѣлъ, кликнулъ своихъ товарищей и между нами началась потасовка. Снѣжки замелькамы со всѣхъ сторонъ и я уже не помню, сколько разъ попалъ я и сколько разъ попали въ меня. И вдругъ около насъ раздался голосъ:—

— Развѣ можно на улицѣ такъ себя вести?!

Мы сразу прекратили нашу дра-

ку. Передъ нами стоялъ нашъ учитель.

— Это онъ первый началъ! указалъ на меня обидчикъ.

Учитель строго на него посмотрѣлъ.

— Я не спрашиваю тебя, ни кто первый началъ, ни кто продолжалъ. Я слышалъ, какъ вотъ этого новичка называли трусомъ, и вотъ хочу вамъ рассказать одну исторію, которая произошла два года тому назадъ, недалеко отъ нашего города, и въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ мальчикъ девяти лѣтъ.

Мы всѣ окружили его и приготовились слушать. Мы любили, когда намъ что-нибудь рассказывалъ учитель. Вся наша ссора была позабыта въ одинъ моментъ.

— Въ одномъ домѣ, стоявшемъ поодаль отъ другихъ, началъ свой рассказъ учитель,—отъ неизвѣстной причины вдругъ вспыхнулъ пожаръ. Это было въ іюлѣ и всѣ обитатели были въ полѣ. Тогда была жатва — убирали хлѣбъ. Въ загорѣвшемся домѣ оставались только параличная бабушка — старушка, да двое дѣтей: пятимѣсячный младенецъ, спавшій въ люлькѣ, да маленькая дѣвочка трехъ лѣтъ.

„Пламя охватило уже большую часть дома, когда мимо шелъ какой-то прохожій и поднялъ тревогу. Сбѣжались сосѣди, вытащили изъ огня параличную старуху и ребенка вмѣстѣ съ колыбелью, но

маленькая Лиза, дѣвочка съ русыми курчавыми волосами и голубыми глазами, которой любовалось все село, такъ и не появлялась нигдѣ: она куда-то вдругъ пропала. Гдѣ она? Что съ ней случилось? Никто этого не зналъ. Ее искали, ей кричали, но она не отзывалась. Быть можетъ, она была вмѣстѣ со своей матерью въ полѣ? И этого никто не зналъ. Но бабушка утверждала, что и она тоже была въ горѣвшемъ домѣ.

„Какъ вдругъ прибѣгаетъ съ поля сама мать. Она не бѣжитъ, а летитъ. Лицо ее искажено страхомъ. Она едва держится на ногахъ. Увидѣвъ невредимыми старушку и ребенка, она спрашиваетъ: — „А гдѣ же Лиза?“ И ей не можетъ отвѣтить никто. И въ эту самую минуту, среди волнъ огня, въ окошкѣ показывается вдругъ маленькая дѣвочка и протягиваетъ къ матери ручки.

„Мамочка, мама! плачетъ она.— Я здѣсь! Я спала! Возьми меня отсюда!

„Но достать ее уже было не возможно. Играя, она забралась на чердакъ, заснула тамъ, а лѣстница которая вела туда, уже вся была въ огнѣ. Языки пламени уже лизали ее и дымъ наполнилъ собою весь чуланчикъ, откуда она началась. Что было дѣлать? Съ минуту мы всѣ стояли недвижимо, точно прикованные къ мѣсту. Для насъ было ясно, что тотъ, кто по-

лѣзетъ за дѣвочкой въ огонь, уже не возвратится оттуда живой. И вдругъ откуда-то появился мальчикъ лѣтъ девяти, еще совсѣмъ почти ребенокъ, красивый и стройный, быстрый, какъ коза; не сказавъ ни слова онъ бросился въ огонь. Я такъ и вижу его передъ собой. Съ развѣвающимися волосами, сбросивъ съ себя пиджачокъ, онъ вскарабкался на окно и прыгнулъ съ него внутрь дома, гдѣ такъ и бушевало пламя. Прошли двѣ или три минуты, показавшіяся намъ вѣчностью, и вотъ наконецъ, онъ снова появляется у окошка, здоровый и невредимый, съ радостнымъ, но все-таки искаженнымъ отъ страха лицомъ, и держитъ на рукахъ ребенка. Онъ нашелъ Лизу и спасъ ее.

„Съ какимъ восторгомъ мы его увидали! Мать бросилась къ нему и, рыдая отъ радости, приняла отъ него Лизу. Но въ этотъ самый моментъ, какъ онъ приготовился вылезать, вдругъ обрушился потолокъ, засыпавъ его головнями и бѣдный мальчикъ-герой такъ и остался погребеннымъ подъ массой бревенъ, обломковъ и углей.

„Всѣ мы бросились его выручать. Схвативши крючки, заступы и ломы, мы скоро растащили въ стороны пылавшія бревна, разгребли мусоръ и вытащили изъ-подъ него мальчугана. Только нѣскольکو еще минутъ тому назадъ полный жизни и радовавшійся своему

успѣху, несчастный представлялъ теперь собою жалкую, обожженную массу.

„Бѣдный мальчикъ! вздохнули всѣ.—Какой герой! Онъ пожертвовалъ собою для спасенія другихъ!

„Тихонько, осторожно мы положили его на носилки и отнесли его къ роднымъ. Его мать была поражена и не хотѣла вѣрить, что это ея сынъ. Цѣлые два часа пробились мы, приводя въ чувство ребенка, и наконецъ привели. Это намъ удалось! Въ мальчикѣ еще теплилась искра жизни, но останется-ли еще онъ живъ, или нѣтъ, про то вѣдалъ одинъ Богъ. Для насъ-же было приятно уже и то что его мать не осталась сиротою.

„Цѣлые три мѣсяца мальчикъ боролся за жизнь. Какъ угасавшее пламя свѣчи, она колебалась изъ стороны въ сторону и каждую минуту, съ каждымъ неосторожнымъ порывомъ вѣтра готова была погаснуть на вѣки. Съ какой нѣжностью вся наша деревня слѣдила за этой борьбой жизни со смертию и желала ему выздоровленія! Этотъ мальчикъ—герой сталъ какъ-бы нашимъ общимъ сыномъ: мы всѣ считали его своимъ, гордились имъ и не хотѣли вѣрить, что можемъ разстаться съ нимъ навсегда. Но онъ сталъ поправляться. Мало по малу его раны стали заживать и наконецъ, въ одинъ счастливый день, онъ выздоровѣлъ совсѣмъ и всталъ съ постели. Но

это уже былъ не прежній стройный и быстрый мальчуганъ. Теперь ужъ онъ былъ хромъ и навсегда пересталъ владѣть своею лѣвой рукой. Быть можетъ вы хотите знать, кто это такой?.. Это—нашъ новичекъ Семеновъ, вонъ тотъ самый, который идетъ сейчасъ одиноко впереди и котораго вы сейчасъ называли трусомъ!“

Учитель кончилъ свой рассказъ и, приподнявши на прощанье фуражку, быстро зашагалъ вперёдъ; а мы еще долго стояли молча, полные удивленія и не зная, съ чего начать. А затѣмъ, точно всѣ сговорившись, мы бросились за новичкомъ и, догнавъ его, окружили его со всѣхъ сторонъ.

— Семеновъ, обратился къ нему главный обидчикъ.—Мнѣ стыдно, что я тебя обижалъ! Прости меня! Я не зналъ, что ты такой!

Новичокъ молча, но съ радостной улыбкой протянулъ ему въ отвѣтъ руку, положивши для этого сумку прямо на снѣгъ.

— Мы тоже не знали, что ты такой, заговорили и другіе его товарищи. — Прости, Семеновъ, и насъ. Мы больше никогда не будемъ тебя трогать! Будемъ друзьями!

Я, конечно, не просилъ у новичка прощенья, да мнѣ и не зачѣмъ было его просить. Мнѣ было приятно, что у меня былъ такой товарищъ, какъ Семеновъ, и въ тоже время странно, что среди насъ

были ученики, которые могли уважать человека только за то, что онъ совершилъ какой-нибудь геройскій поступокъ, а не за то, что онъ былъ просто — человекъ. И я подошелъ къ Семенову и, когда всѣ разошлись, пригласилъ его къ себѣ.

— Приходи ко мнѣ, обратился я къ нему.—Мы будемъ вмѣстѣ играть... Придешь?

— Хорошо, приду... отвѣтилъ хромой.—Только у меня нѣтъ новой курточки и штановъ. У мамы нѣтъ денегъ, чтобы ихъ купить. Можно въ этихъ?

И онъ указалъ на свой истрепанный костюмъ.

Я взялъ его за руку и сказалъ:

— Развѣ отъ курточки мы станемъ лучше? Развѣ отъ костюма мы болѣе умны?

Онъ посмотрѣлъ на меня, улыбнулся и сталъ стряхивать съ себя снѣгъ.

— Хорошо, сказалъ онъ еще разъ.—Я приду... Можно сегодня? Мы будемъ съ тобою друзьями!

И мы весело разстались. Вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ, мы долго съ нимъ играли и никто-бы не подумалъ, что этотъ беспомощ-

ный мальчикъ былъ когда-то такимъ героемъ, что спасъ другому жизнь.

— Ты боялся, когда влѣзалъ въ горѣвшій домъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ правдиво.

— А боялся, когда на тебя обрушился потолокъ?

— Нѣтъ, такъ-же искренно отвѣтилъ онъ.

— Да ты боишься-ли чего-нибудь вообще?

— Боюсь...

— Чего-же именно?

Онъ поднялъ глаза къ потолку, и подумалъ.

— Я боюсь черныхъ таракановъ, стыдливо отвѣтилъ онъ.

А стоявшая тутъ-же моя няня, слушавшая весь этотъ разговоръ, глубоко вздохнула и покачала головой.

— Вотъ! сказала она задумчиво.—Можно бояться таракановъ и въ то-же время спасти другому жизнь!

Мы долго смѣялись съ этихъ таракановъ и разошлись только тогда, когда было уже девять часовъ.

Гіальмаръ.

Рѣшеніе головоломкѣ, помѣщенныхъ въ № 18 „Золотого Дѣтства“.

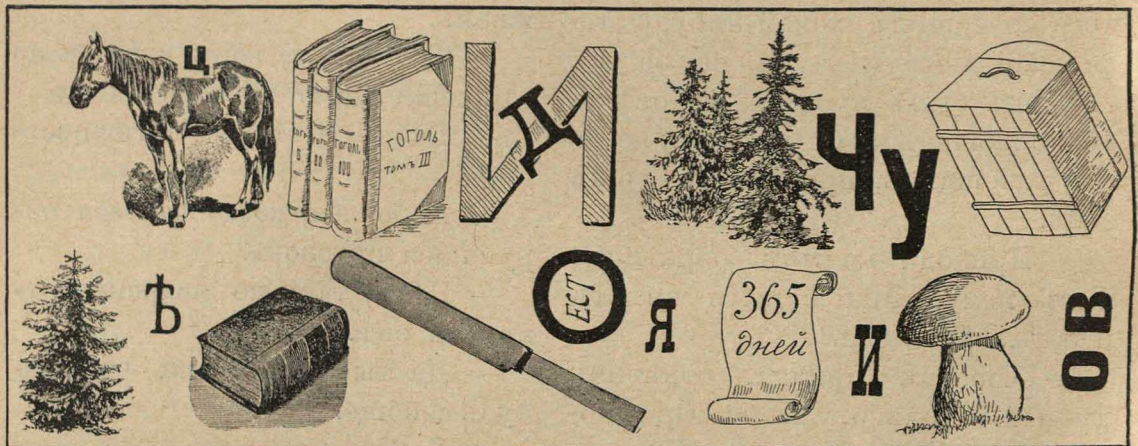
I. Ва + си + лежъ.

II. Горшокъ. Его сдѣлали изъ глины, обожгли въ печи, вывезли

на базаръ, постукивали по нему палочкой, чтобы узнать, цѣль-ли онъ, и продали.

III. Мясо, плугъ, столъ, вата = Ялта.

Ребусъ № 18.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ, будутъ напечатаны).

IV. Собака, барбарисъ, баркасъ, коса, корка, роса. Задуманное слово—абрикось.

V. Подъ мокрымъ; грязный; за руку.

— —

Рѣшеніе головоломокъ, помѣщенныхъ въ № 19 „Золотого Дѣтства“.

I. Магнитъ, Ока, Лыко, Орелъ, Корова, Осель. Задуманное слово—молоко.

II. Пока не остановится.

III. Улитка, потому что она тащется за собой свой домъ.

IV. Буква „и“ (въ данной головоломкѣ).

V. Въ словѣ „Евангеліе“—девятъ буквъ.

VI. Утромъ, 30 Декабря, такъ какъ отъ года осталось только два дня.

VII. У гвоздя.

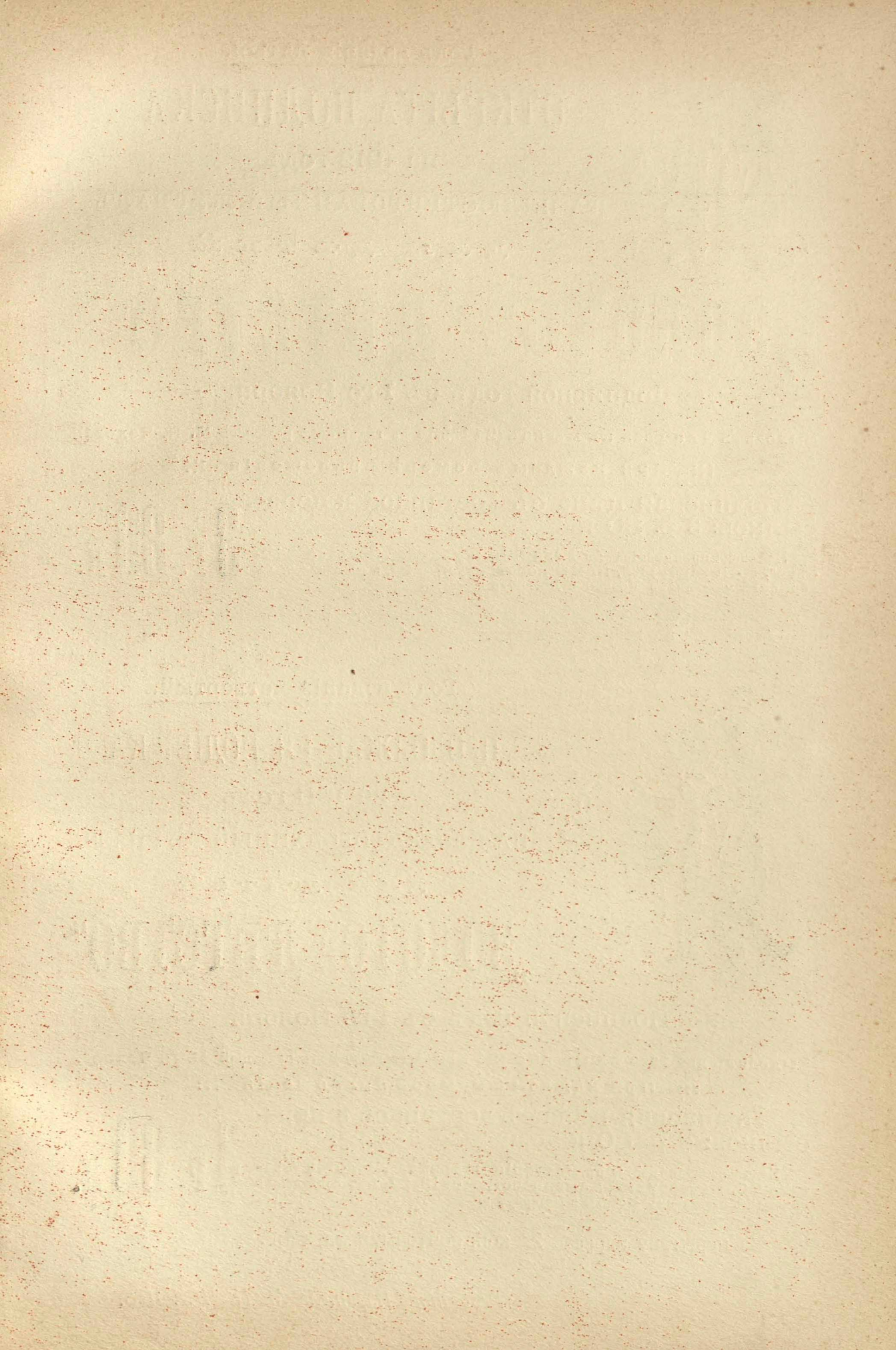
VIII. Гробъ.

IX. Впередъ.

X. Труба, грибъ, берегъ, нитка, табакъ, тигръ, катерь. Задуманное слово—Екатеринбургъ.

XI. Вода, трава, сорока, постъ, тетеревъ, доска, паровозъ, завтракъ, потопъ, стопа, воскъ, стадо, зарево, корова, дрова. Задуманное слово—Петрозаводскъ.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Миша, Коля, Маруся и Лилия Побѣдимовы, Вѣрочка Пестрикова изъ Старой Руссы, Сережа Тушканчикъ, Андриша Федотовъ—донской казачекъ изъ Щучина, Женя Стрекоза, Нада Иванова, „Золотая Дѣтка“, Нина Пыхтѣва изъ Мензелинскаго уѣзда, Котя Рыжовъ, Саля Козловскій, Кюбра Мамедханова изъ Геокчая, Иосифъ Хайковъ изъ Б. Лепатихи, Ника Кошкинъ, Слава Василенко изъ Харькова, Петя Вороновъ, Нина Рыбакова, Семень Канъ, Шура Гапонъ изъ Васильева, Таврич. губ., Жоржъ Каменцевъ, Вѣрочка Иксъ, Тамара и Костя Шидловскіе изъ Харькова, Борисъ Тапѣвъ, Соня, Аня и Нина—въ вагонѣ, по пути за границу, Володя и Тася Теремецкіе изъ Гатчины, Коля Ильинъ въ Спб., Риточка Н. и Зорька Д. изъ Тульчина, Володя Соболевъ—изъ Б. Березуя, Люся и Володя Сорока изъ Остра, Леля Васильева изъ Оренбурга, Коля Ильинъ въ Спб., Анатоій Одинцовъ, Муся Часовникова, Георгій Урагановъ, Костя Петраевъ, Соня Титова, Настя Жердева, Аня Конюшева, Сергій Перепелкинъ, Боря и Нада Астафьевы и многіе другіе.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1912 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

—><— Подписной годъ съ 1-го Ноября. —><—

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

::: При каждомъ номерѣ приложенія :::

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Годъ изданія четвертый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

—><— Подписной годъ съ 1-го Ноября. —><—

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

::: При каждомъ номерѣ приложенія :::

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.